

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
НОВОСИБИРСК

от . . . 4. ИЮНЬ 1965

г. Новосибирск

Газета №

Рядовой гремяченской

«Уже давно прошла «Поднятая целина» — первый гастрольный спектакль московских гостей. В час «театрального разбега» можно было слышать разное: сталкивались мнения, оценки, характеристики.

Позволю себе уклониться от такой, возникавшей стихийно, дискуссии: оценка спектакля в целом не входит в мою задачу, тем более, что театральная общественность уже сделала это.

Юрий Горобец в роли Семена Давыдова.

Рис. В. Федотова.

Но вот уже много дней передо мной стоит Давыдов. Я никак не могу отделаться от него — до того прочно влез он в мою зрительскую «шкуру». Какой-то внутренний голос подсказывает, не может, не должен Давыдов заслонять прочих, не только же о нем, балтийском моряке, написан роман и поставлен сложный и значительный спектакль: Семен Давыдов — всего лишь рядовой Гремяченской партийной ячейки.

И умирает последним...

НАШИ ГОСТИ

Величавой, зовущей к жизни, смерти мученика.

Я не боюсь этого определения. Да, мученически прекрасным было время, запечатленное шолоховским романом. Круги дантова ада прошло то поколение, потомки которого сегодня, сейчас, достойно отвечают за кровь Давыдова, за кровь Нагульнова: они строят общество, о котором мечтали герои «Поднятой целины».

Доминанта образа, который воссоздает исполнитель роли Давыдова, — вера. И если считается, будто истинная вера способна сдвинуть горы, то в данном «театральном случае» она приводит в движение весь механизм спектакля...

Юрия Горобца я увидел на сцене впервые и искренне подивился масштабы его дарования, его способности ощутить время. Участник гражданской войны, я знавал этих людей в полосатых тельняшках. Революция кидала таких в самое пекло — и в моря, и на сушу, туда, где бывало очень трудно, лихо, туда, где в жестоких схватках со старым миром уже рождался мир новый, снимающий с себя цепи векового рабства.

Историю нельзя подрубать. Матросы революции — не безликая масса. Были среди них и стойкие, с рабочей, давыдовской, закалкой, партийные организаторы, были и бездумные смельчаки, и рубахи-парни, были вожаки, прошедшие сквозь каторгу царского флота, были и анархистствующие недоросли, которых в ходе событий выпрямляла партия.

Но, может, впервые в нашей литературе, в нашем искусстве возник образ, в котором так органически слились воедино и героика, и философия, и поэтика великой революции, ее романтически окрыленный пафос. И все эти многогранные черты образа, увиден-

ные актером, согреты «чувством истории», безграничной верой в торжество правого дела.

Так понимаю я шолоховского Давыдова. Таким перешел он со страниц бессмертной книги и на сцену Московского театра имени Пушкина в исполнении Юрия Горобца.

Впрочем, «исполнение». — не то слово, тут, пожалуй, уместнее более широкое толкование: РАБОТА. Работа мысли и сердца, когда актер начинает жить чужой, любимейшей ему жизнью, и верит этой жизни, ощущает ее тепло и богатство, воспринимает ее многоцветные краски.

Не буду воспроизводить все линии развития образа Давыдова. Упомяну один эпизод, когда Давыдов впервые приходит в дом Варюхи-горюхи. По-моему, это не только самый впечатляющий эпизод, сыгранный всеми исполнителями, как на скрипке, но и наиболее полно раскрывающий «жизнь человеческого духа». Какое многообразие оттенков! И какая большая правда во всем поведении антага!

Эти беглые заметки мне хочется закончить финалом спектакля. Для меня он идейно, логически и художественно завершается гибелью Давыдова и Нагульнова. Сцену эту с большой силой поставил Б. Равенских, и последние минуты, которые проводит зритель с этими людьми, наполнены высоким драматизмом. Я уже говорил, что смертью своей Семен Давыдов зовет в грядущее. И в этой сцене Ю. Горобец показал нам подлинную народность своего героя, безвестного путиловского слесаря, бывшего матроса революции, у которого не было ни кола, ни двора, ни женской ласки — ничего, кроме веры. Несокрушимой и священной веры в это грядущее...

Ник. ЛАРИОНОВ.